

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

А.А. НУРУЛЛАЕВ, Ал. А. НУРУЛЛАЕВ

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва

Конец XX – начало XXI вв. стали свидетелями существенного повышения агрессивности человека, серьезных всплесков различных видов экстремизма, который нередко смыкается с терроризмом. Многие экстремистские проявления имеют религиозную окраску. (Насколько серьезной представляется потенциальная связь религиозных объединений с экстремистскими проявлениями можно судить из того, что в Федеральном законе “О противодействии экстремистской деятельности” от 25 июля 2002 года термин “религиозные объединения” упомянут 28 раз). В связи с этим страницы периодических изданий заполнены различными материалами, в которых речь идет о “религиозном экстремизме”, “исламском экстремизме” и даже “исламском террористическом интернационале”

Но, пожалуй, всех превзошли “Аргументы и факты”. В № 42 за 2001 год этого наиболее массового еженедельника России был опубликован материал доктора психологических наук Михаила Решетникова “Исламские истоки терроризма”. Чего только нет в этой публикации! В ней говорится, что “заказчиками и исполнителями” терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, совершенных 11 сентября 2001 года, были “люди, входящие в элиту исламского мира”, что их “вера позволяет им совершать любые преступления в отношении иноверцев”, что их “поведение вполне осмысленно и вполне укладывается в каноны их веры” (Решетников, 2001, с. 3). Мало того, что такого рода публикации неверно ориентируют общество и власть искать в религии причины тягчайших злодеяний, совершаемых экстремистами, они еще способствуют разжиганию религиозной нетерпимости и розни, что само по себе является угрозой национальной безопасности многонациональной и поликонфессиональной России.

Для успешной борьбы с экстремизмом особенно важным исследователи считают концептуальное осмысление этого феномена: его разновидностей, перспектив развития, адекватности антиэкстремистских действий, различий в масштабах, содержании, мотивации проявлений; а также в необходимости давать профессиональную экспертную оценку принимаемых решений на антиэкстремистский эффект. (См. Авцинова, 1999, с. 638).

В свете сказанного весьма актуальной является задача дифференциации понятий. Ее необходимость осознается многими. К примеру, на конференции “10 лет по пути свободы совести». Опыт и проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений (Москва, РАГС, 14-17 ноября 2001

г.)» было представлено два научных сообщения, в названиях которых содержалось понятие “религиозный экстремизм”, и оба их автора выразили свою неудовлетворенность тем, что это словосочетание не отражает излагаемый материал. Что же касается представителя Министерства юстиции Российской Федерации В.И. Королева, то, делая вывод из предыдущих суждений, для большей ясности он предложил вообще отказаться от термина “религиозный экстремизм”. Иного мнения придерживается А. Саватеев. Он предлагает сторонников вооруженного джихада, ставящих своей целью создание “единого исламского государства от Каспия до Черного моря”, “именовать религиозными экстремистами (как, например, экстремистов вооруженного крыла Ирландской республиканской армии)” (Саватеев. 2002, с. 10).

Другие предлагают для характеристики политического экстремизма, выступающего под исламскими лозунгами, использовать понятие “исланизм”. Однако, как отмечает И.В. Кудряшова, иные авторы путают ислам и исламизм (Кудряшова, “2002, с. 76). Но положение еще более осложняется в связи с тем, что во многих публикациях, даже осуществленных специалистами, понятие “исламизм” используется для характеристики как религиозно мотивированного агрессивного политического радикализма, так и легального политического ислама. Результат получается весьма своеобразный.

В интересном сборнике статей “Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри”, выпущенном Московским центром Карнеги, сообщается, что в Таджикистане, “сейчас лидеры исламистов разделяют ответственность за состояние дел в стране” и подчеркивается, что опыт Исламской партии возрождения Таджикистана, чьи представители входят во властные структуры, получил признание у мирового сообщества как подтверждение возможности мирного участия исламского движения в политической жизни светского государства. А в другой статье того же сборника российский ученый обращает внимание читателей “на разрабатываемые военным руководством страны планы боевых действий против исламистских структур на территории России и постсоветском пространстве” (Ислам на постсоветском пространстве, 2001, с. 199, 61).

Если в содержание второй цитаты, взятой из сборника, не вкралась какая-либо ошибка, то в постсоветском пространстве есть немало людей, которые могут глубоко задуматься над написанным. Но это еще одно, дополнительное свидетельство острой необходимости серьезного совершенствования категориального аппарата религиозноведческой науки.

Свою лепту в решение этой сложнейшей задачи пытаются внести авторы этих строк, предлагая, в частности, для квалификации определенных видов экстремистской деятельности, так или иначе связанной с религией, ввести понятие “религиозно-политический экстремизм”.

Экстремизм, как известно, в самом общем виде характеризуется как приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же, проявляющийся в религиозной сфере, получил название религиозного экстремизма. В последние десятилетия все более широкий размах приобретают такие экстремистские явления, которые имеют связь с религиозными постулатами, но происходят в политической сфере социума и не могут быть охвачены понятием “религиозный экстремизм”.

Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти. Религиозно-политический экстремизм тесно связан с массовым нарушением прав человека. Он несет угрозу национальной безопасности различных государств, способствует обострению межнациональных отношений.

Также как и этнонационалистический экстремизм, религиозно-политический экстремизм является разновидностью политического экстремизма. Своими характерными признаками он отличается от других видов экстремизма.

1. Религиозно-политический экстремизм — это деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей. По названному признаку он отличается также от экономического, экологического и духовного экстремизма.

2. Религиозно-политический экстремизм представляет собой такой вид противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами. По этому признаку он отличается от этнонационалистического, экологического и других видов экстремизма, у которых существует иная мотивация.

3. Доминирование силовых методов борьбы для достижения своих целей — характерная черта религиозно-политического экстремизма. По этому признаку религиозно-политический экстремизм можно отличить от религиозного, экономического, духовного и экологического экстремизма.

Религиозно-политический экстремизм отвергает возможность переговорных, компромиссных, а тем более консенсусных путей решения социально-политических проблем. Сторонники религиозно-политического экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, включая единоверцев. Для них не существует никаких “правил политической игры”, границ дозволенного и недозволенного. Конфронтация с государственными институтами — их стиль поведения. Принципы “золотой середины” и требования “не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе”, являющиеся основополагающими для мировых религий, отвергаются ими. В их арсенале главными являются насилие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с демагогией. Нередко они используют террористические методы борьбы.

Авантюристы, использующие религиозные идеи и лозунги в борьбе за достижение своих противозаконных политических целей, хорошо понимают возможности религиозных учений и символов, как важного фактора привлечения людей, мобилизации их на бескомпромиссную борьбу. Одновременно они учитывают, что “повязанные” религиозными клятвами люди “сжигают мосты”, им трудно, если не невозможно “выйти из игры”. Расчет делается на то, что даже лишившимся иллюзий и осознавшим несправедность своих действий участникам экстремистского формирования очень трудно будет покинуть его ряды: они будут страшиться, что их отказ от конфронтации с властями и переход к нормальной мирной жизни могут быть восприняты как предательство религии своего народа, как выступление против веры и Бога.

Введение понятия “религиозно-политический экстремизм” прежде всего позволит более четко отделить явления, происходящие в религиозной сфере от противоправных действий, совершаемых в мире политики, но имеющих религиозную мотивацию или религиозный камуфляж. В самом деле, разве можно считать однопорядковыми действия тех, кто обвиняет своих единоверцев в ереси за контакты с людьми других вероисповеданий или оказывает моральное давление на намеревающихся уйти из одной христианской религиозной общины в другую христианскую конфессиональную общность, и действия, подпадающие под статьи уголовного кодекса, которые предусматривают ответственность за переход государственной границы с оружием в руках с целью нарушения государственного единства страны или завоевания власти, за участие в бандформированиях, в убийствах людей, захвате заложников, даже если они мотивированы религиозными соображениями?

И в тех и в других случаях мы имеем экстремистские действия. Однако разница между ними чрезвычайно велика. Если в первом случае речь идет о проявлениях религиозного экстремизма, то во втором – налицо действия, входящие в содержание понятия “религиозно-политический экстремизм”. Между тем и в средствах массовой информации и в специальной литературе все подобные действия объединяются одним понятием “религиозный экстремизм” (“исламский экстремизм”, “протестантский экстремизм” и т.д.).

Отход от такой позиции в направлении, позволяющем более четко определить цели преступных политических движений, использующих религиозную символику, сделан в Заявлении участников Межрелигиозного миротворческого форума, состоявшегося в ноябре 2000 года в Даниловом монастыре. “Из разных государств туда (на территорию стран СНГ) проникают эмиссары воинствующих движений, которые, своекорыстно используя символы ислама, пытаются в корне изменить исторический путь народов стран Содружества и ставший привычным для них уклад жизни, – говорится в Заявлении. – Все это сопровождается созданием незаконных вооруженных формирований, грубым вмешательством из-за рубежа в дела суверенных государств, созданием новых очагов напряженности, что все чаще приводит к массовой гибели невинных людей. Зона, пораженная этим недугом, стремительно расширяется”.

Руководители бандформирований, вторгавшихся на территорию молодых государств Средней Азии в 1999-2000 годах, не скрывали своих целей. Они неоднократно во всеуслышание заявляли о том, что намерены силой ниспровергнуть политические режимы в молодых постсоветских республиках и создать в регионе клерикальное государство. Учитывая это, властями Узбекистана была дана установка воинским подразделениям в отношении боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ), с оружием в руках пресекавших государственную границу с целью захвата власти, применять расстрел на месте. Именно таким образом были истреблены три группы боевиков ИДУ, проникших в Сурхандарьинскую и Ташкентскую области в 2000 году (Егоров, 2001, с. 5).

Цели, которые ставят перед собой участники названных событий, методы и средства, используемые для их достижения, говорят о том, что эти события никак нельзя отнести к явлениям, происходящим в религиозной сфере. (В скобках можно задаться таким вопросом: а разве средства и методы, применяемые в борьбе с бандформированиями в Центральной Азии или Чечне, скажем, в последнем случае сотысячная группировка войск, использующая не только танки и артиллерию, но и смертоносную мощь ракетно-бомбовых ударов, можно применять в борьбе даже с самыми негативными явлениями в сфере религии?).

Упомянутые выше явления – это явления не религиозного, а политического плана лишь мотивированные или камуфлированные религиозными постулатами. И так их и следует квалифицировать. Продолжать же характеризовать их как религиозный экстремизм – это значит направлять усилия власти и общества на поиск причин жесточайших преступлений, совершаемых в целях завоевания политической власти или расчленения государства, в религии, что абсолютно неверно.

Итак, дифференциация понятий крайне необходима. Она позволит более точно определить причины, порождающие ту или иную разновидность экстремизма, будет способствовать более правильному выбору средств и методов борьбы с ними, будет содействовать прогнозированию событий и нахождению эффективных путей предупреждения и преодоления разных форм экстремизма.

Религиозно-политический экстремизм, как отмечалось, может быть направлен на демонтаж сложившихся общественных структур, изменение существующего государственного строя, реорганизацию национально-территориального устройства и т.д. с применением противозаконных методов и средств. Наиболее часто он проявляется:

– в виде деятельности, имеющей целью подрыв светского общественно-политического строя и создание клерикального государства;

- в виде борьбы за утверждение власти представителей одной конфессии (религии) на территории всей страны или ее части;
- в виде религиозно обосновываемой политической деятельности, осуществляемой из-за рубежа, имеющей целью нарушение территориальной целостности государства или ниспровержение конституционного строя;
- в виде сепаратизма, мотивированного или камуфлированного религиозными соображениями;
- в виде стремления навязать в качестве государственной идеологии определенное религиозное учение.

Субъектами религиозно-политического экстремизма могут выступать как отдельные лица и группы, так и общественные организации (религиозные и светские) и даже (на определенных этапах) целые государства и их союзы.

Если нормой международных отношений считать поведение стран, соответствующее основным принципам международного права, то определенные отступления от этих принципов, чем бы они ни мотивировались, следует признать государственным экстремизмом. В этом смысле проявлением религиозно-политического экстремизма на государственном уровне можно считать более чем 50-летнюю борьбу мусульманских государств за ликвидацию еврейского государства Израиль, впрочем, так же как борьбу последнего против создания арабского палестинского государства на Ближнем Востоке. Действия обеих сторон в этом длительном кровопролитном конфликте решительно противоречили позициям мирового общественного мнения, выраженным в четких резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности Организации, Объединенных Наций, отличались применением методов и средств, выходящих за рамки общепризнанных принципов и норм международного права.

Политика экспорта “исламской революции”, осуществлявшаяся Ираном в 80-90 годах XX века, также может квалифицироваться как проявление религиозно-политического экстремизма, субъектом которого является государство.

Принципиально важным для прояснения данного вопроса является категорическое отвержение любых концепций, доктрин или идеологий, призванных оправдывать действия государств, направленные на подрыв общественно-политического строя других государств, которое содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (1984 г.) “О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах”.

Крайне необходимо в духе такого отвержения формировать общественное мнение, особенно тех стран, где действуют различные религиозно-политические группировки, разрабатывающие и пропагандирующие, окрашенные в религиозные цвета рецепты дестабилизации социально-политической обстановки в своей стране или в соседних странах в целях установления там угодного их лидерам политического строя.

Религиозно-политический экстремизм можно отнести к одной из форм нелегитимной политической борьбы, т.е. не соответствующей нормам законности и этическим нормам, разделяемым большинством населения. Использование насильственных способов борьбы и исключительная жестокость, проявляемая сторонниками религиозно-политического экстремизма, как правило, лишают его поддержки широких масс, в том числе и относящихся к тому вероисповеданию, последователями которого объявляют себя лидеры экстремистской группы. Так происходит с “братьями-мусульманами” на Ближнем Востоке, с “Талибаном” в Афганистане, с “Исламским движением Узбекистана” в Средней Азии. Как и легитимная политическая борьба, религиозно-политический экстремизм реализуется в двух основных формах: практикополитической и политикоидеологической.

Для религиозно-политического экстремизма характерно стремление к быстрому решению сложных проблем независимо от “цены”, которую приходится платить за это. Отсюда упор на силовые методы борьбы. Диалог, договоренность, консенсус,

взаимопонимание отвергаются им. Крайним проявлением религиозно-политического экстремизма является терроризм, представляющий собой деятельность, направленную на достижение политических целей с помощью особо жестоких, устрашающих форм и методов политического насилия. Он широко применялся в истории политической борьбы, проходившей под религиозными знаменами, приобретая подчас характер геноцида (крестовые походы, варфаломеевская ночь и др.). В последние десятилетия религиозно-политический экстремизм все чаще обращается к террору как средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода мы наблюдаем в Чечне, Узбекистане, Югославии, Ольстере, на Ближнем Востоке и в других регионах Земли.

Стремясь вызвать или усилить в массах недовольство существующим строем и заполучить у них поддержку своих планов, сторонники религиозно-политического экстремизма в идейно-политической борьбе нередко берут на вооружение методы и средства психологической войны. Обращаются не к разуму и логическим аргументам, а к эмоциям и инстинктам людей, к предрассудкам и предубеждениям, к разнообразным мифологическим конструкциям. Манипулирование религиозными текстами и ссылка на богословские авторитеты в сочетании с представлением извращенной информации, используются ими для создания эмоционального дискомфорта и подавления способности человека логически мыслить и трезво оценивать происходящие события. Угрозы, шантаж и провокации являются составными элементами "аргументации" религиозно-политических экстремистов. Что же касается участников экстремистских группировок, для укрепления их решимости сражаться за цели, поставленные лидерами, используются и более действенные меры. Так, один из боевиков Исламского движения Узбекистана, задержанный компетентными органами, привел факт расстрела 17 своих "коллег", выразивших желание выйти из движения и вернуться к мирной жизни (см.: Артамонов, 2002, с. 5).

Религиозно-политический экстремизм и этнонационалистический экстремизм часто переплетаются друг с другом. Этому способствуют ряд обстоятельств. Среди них тесная историческая связь религии и этноса. Она привела к тому, что многие народы воспринимают то или иное вероисповедание как свою национальную религию. (К примеру, русские, украинцы, белорусы, греки, сербы – православие; арабы, татары, башкиры, аварцы, даргинцы, кумыки и многие другие народы Северного Кавказа – ислам; монголы, буряты, калмыки, тувинцы – буддизм). Их образ жизни, традиции, обычаи, менталитет сформировались под влиянием соответствующих религиозных учений, обрядов, предписаний. В результате, в этническом самосознании эти народы представляются как этноконфессиональные общности. Это обстоятельство создает возможность лидерам этнонационалистических экстремистских формирований апеллировать к "национальной религии", использовать ее постулаты для привлечения соплеменников в свои ряды, а лидерам религиозно-политических экстремистских группировок обращаться к этнонациональным чувствам и ценностям для увеличения числа сторонников своего движения.

Переплетению религиозно-политического экстремизма и этнонационалистического экстремизма содействует также их одинаковая направленность на достижение во многом совпадающих политических целей. Смыкаясь и переплетаясь, они взаимно питают друг друга, что способствует укреплению их позиций, содействует расширению их социальной базы. Яркий пример такого "взаимного питания" этнонационалистического экстремизма и религиозно-политического экстремизма дают нам события в Чеченской Республике.

В начале 90-х годов XX века волна этнонационалистического экстремизма здесь взметнулась довольно высоко. Выдвинув сепаратистские лозунги, лидеры движения во главе с Д. Дудаевым поставили своей целью отделить территорию республики от России и создать светское этнократическое государство. Даже встретив решительный отпор Центра, сторонники сохранения светского характера движения достаточно долго отвергали попытки религиозно-политических экстремистов придать ему религиозную окраску. Гибель Д. Дудаева ослабила позиции сторонников этнонационалистического

экстремизма. Желая исправить положение, привлечь в ряды участников движения новых борцов, они пошли навстречу требованиям лидеров религиозно-политического экстремизма о придании движению исламского характера. Вспоминая события того периода, бывший вице-президент Ичкерии З. Яндарбиев с гордостью заявил, что считает своей большой заслугой введение законов шариата в республике, что, по его мнению, придало этнонационалистическому движению новые силы, способствовал консолидации названных двух течений, "хотя, – подчеркивал он, – почти все руководство (Ичкерии) не хотело, чтобы я так поспешно вводил шариат" (Яндарбиев, 2001, с. 3). Переплетение этнонационалистического экстремизма с религиозно-политическим экстремизмом стало побудительным стимулом к смыканию объединенного движения с международным терроризмом. Печальные последствия не заставили себя долго ждать.

К факторам, порождающим религиозно-политический экстремизм можно отнести социально-экономические кризисы, меняющие к худшему условия жизни большинства членов общества; ухудшение социальной перспективы значительной части населения; рост антисоциальных проявлений; страх перед будущим; нарастание чувства ущемления законных прав и интересов этнических и конфессиональных общностей, а также политические амбиции их лидеров; обострение этноконфессиональных отношений.

Характеризуя причины, побуждающие мусульман вливаться в ряды экстремистских формирований, руководитель исламских исследований в Вашингтонском университете профессор Акбар Ахмед говорил: "В Южной Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке распространен тип молодого мусульманина, который, как правило, беден, неграмотен и не может найти работу. Он считает, что в мире несправедливо относятся к мусульманам. Он полон гнева и ярости и ищет простых решений" (Смирнов, 2003, с. 7). К сожалению, немало таких молодых людей разных вероисповеданий и в нашей стране. Готовностью многих из них участвовать в протестных акциях, в том числе используя насильственные методы, движут не столько религиозные чувства, сколько отчаяние, безысходность и стремление содействовать спасению своих этнических общностей от деградации, к которой подвели их так называемые либеральные реформы (Нуруллаев, 2000, с. 91-94).

Факторами, порождающими религиозно-политический экстремизм в нашей стране, следует назвать социально-экономический кризис, массовую безработицу, глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, неспособных решать назревшие вопросы общественного развития, распад прежней системы ценностей, правовой нигилизм, политические амбиции религиозных лидеров и стремление политиков использовать религию в борьбе за власть и привилегии.

Среди причин, способствующих усилению религиозно-политического экстремизма в России, нельзя не назвать нарушения прав религиозных и этнических меньшинств, допускаемые должностными лицами, а также деятельность зарубежных религиозных и политических центров, нацеленная на разжигание в нашей стране политических, этнонациональных и межконфессиональных противоречий. Наконец, нельзя не сказать о том, что созданию благоприятных условий для активизации деятельности различного рода экстремистских групп в стране в значительной мере способствовал сознательный отказ государства от функции регулирования общественных отношений, что обернулось фактической передачей этих полномочий нелегитимным политическим акторам, в том числе откровенно криминальным, а также различным организациям и движениям радикального толка (Бочарников, 2002, С. 155).

С религиозно-политическим экстремизмом должны бороться и общество, и государство. Методы этой борьбы у них, разумеется, различные. Если государство должно устранить социально-экономические и политические условия, способствующие возникновению экстремизма и решительно пресекать противозаконную деятельность экстремистов, то общество (в лице общественных объединений, средств массовой информации и рядовых граждан) должно противодействовать религиозно-политическому экстремизму, противопоставляя экстремистским идеям и призывам

гуманистические идеи политической и этнорелигиозной толерантности, гражданского мира и межнационального согласия.

Для преодоления религиозно-политического экстремизма могут применяться самые различные формы борьбы: и политические, и социологические, и психологические, и силовые, и информационные и другие. Разумеется, в современных условиях на первый план выходят силовые и политические формы борьбы. Важную роль призвана играть правоприменительная практика. В соответствии с нормами права ответственности подлежат не только организаторы и исполнители преступных акций религиозно-политического экстремизма, но и их идейные вдохновители.

Особая значимость силовых, политических и правоприменительных методов борьбы с религиозно-политическим экстремизмом вовсе не означает, что идеологическая борьба отходит на задний план. В ней самое активное участие призваны принять общественные объединения, писатели, журналисты, свое веское слово могут сказать религиозные деятели. Выступая на VI Всемирном русском народном собрании 13 декабря 2001 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал борьбу с различными проявлениями экстремизма важнейшим условием обеспечения международной безопасности. При этом он подчеркнул, что для решения названной задачи одних усилий государств недостаточно. "Нам необходимо общественное единение в неприятии ксенофобии и насилия, всего того, что питает идеологию терроризма" – сказал он (Время новостей. – 2001. – 14 декабря). Общественные объединения и религиозные организации могут сделать очень многое для профилактики религиозно-политического экстремизма, формируя у членов общества терпимость и уважительное отношение к людям иной культуры, к их взглядам, традициям, верованиям, а также принимая участие в сглаживании политических и этнонациональных противоречий.

Способность конфессиональных организаций и духовных наставников внести ощутимый вклад в дело преодоления религиозно-политического экстремизма и терроризма осознается религиозными лидерами России. Иногда делаются заявления о том, что никакие другие социальные субъекты не могут сделать так много для предотвращения экстремизма, как это могут сделать руководители религиозных организаций.

Когда речь идет о разоблачении попыток использовать религиозные чувства людей для их вовлечения в экстремистские группировки, для совершения преступных действий, такая постановка вопроса вполне оправдана. Яркое и убедительное слово религиозных лидеров здесь может оказаться вне конкуренции. Поэтому можно вполне согласиться с заявлением патриарха Московского и всея Руси Алексия II, сделанным на Межрелигиозном миротворческом форуме 13 ноября 2000 г. "Если мы скажем решительное "нет" насилию, ненависти, попыткам использовать религиозные чувства в неблагоприятных целях, это станет самым существенным вкладом в мирное обустройство бытия стран Содружества", – говорил патриарх.

И многие духовные пастыри смело выступают против религиозно-политического экстремизма, убедительно обличая его антиобщественный характер, стремясь уберечь верующих от участия в движениях, преследующих преступные цели. Делают они это, не страшась реальных угроз злоумышленников, которые в отместку за решительные выступления против религиозно-политического экстремизма, разоблачение его антиисламского характера убили председателя Духовного управления мусульман Дагестана муфтия Саид-Мухаммада Абубакарова. Избранный на высокий пост лидера мусульманских религиозных организаций Дагестана после смерти С.-М. Абубакарова, муфтий Ахмад-Хаджи Абдулаев продолжает дело своего выдающегося предшественника. "Сегодня в мире существует определенный ряд деятелей, которые время от времени призывают мусульман начать джихад то против одних, то против других государств или народов, – говорит А.-Х. Абдулаев. – Эти лица используют ислам в своих сомнительных интересах, зачастую прямо входящих в конфликт с учением нашей религии. Усама бен Ладен является наиболее известным и одиозным из них.

Мусульмане должны с огромной осторожностью относиться к подобным призывам, дабы не стать заложниками в чьих-то политических, финансовых или каких-то еще махинациях" (Фатуллаев, 2001, с. 11).

Важное значение для преодоления религиозно-политического экстремизма имеет мониторинг его проявлений, а также противодействие использованию средств массовой информации и храмовой аудитории для пропаганды его идей. К сожалению, публичные выступления экстремистского толка, в которых содержатся подчас несколько завуалированные, а в ряде случаев ничем не прикрытые, призывы к ниспровержению конституционного строя в целях создания клерикального государства, к возбуждению вражды и ненависти на почве религии, встречаются нередко, однако должного реагирования правоохранительных органов и средств массовой информации не происходит. Пожалуй, исключительный случай нашел отражение на страницах газеты "Коммерсантъ": 19 сентября 2001 года Городским судом Карачаевска был осужден имам "Мусульманского общества № 3". Казбек Шайлиев, который неоднократно призывал к захвату власти с целью создания на всей территории Северного Кавказа исламского государства (Беррес, 2001, с. 3).

Эффективность борьбы против религиозно-политического экстремизма в нашей стране во многом зависит от того, насколько последовательно и строго выполняются требования закона:

- запрещающего пропаганду и агитацию, возбуждающие национальную и религиозную ненависть и вражду;
- запрещающего создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;
- запрещающего создание и деятельность общественных объединений, цели и деятельность которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований;
- считающего недопустимым установление какой-либо религии в качестве государственной;
- устанавливающего равенство религиозных объединений перед законом.

Осуществление на деле конституционных норм об отделении религиозных объединений от государства и их равенстве перед законом дает возможность религиозным меньшинствам чувствовать себя защищенными от произвола чиновников, придает им уверенность на цивилизованное отношение к себе и со стороны других конфессиональных общностей в будущем. Отступления от названных норм, допускаемые государственными органами и должностными лицами в интересах доминирующей конфессии, стимулирует ее представителей на выступления за изъятие из Основного закона этих норм, сеют недовольство у этнорелигиозных меньшинств, побуждая их подниматься на борьбу за равноправие, что может способствовать расширению базы потенциальных сторонников религиозно-политического экстремизма.

Недавно была принята обновленная Концепция национальной безопасности Российской Федерации, теперь она вновь обновляется, готовится проект Концепции государственной экологической политики. Предложения же ученых и религиозных деятелей о необходимости подготовки и утверждения на уровне Президента России Концепции государственно-конфессиональной политики Российской Федерации не находят поддержки во властных структурах, хотя по их инициативе было подготовлено целых два достаточно интересных проекта такой концепции. Между тем она должна стать надежным ориентиром для государственных органов и общественных объединений в деле обеспечения строгой законности в сфере государственно-конфессиональных отношений и организации равноправного межрелигиозного взаимодействия по воспитанию населения в духе культуры мира и ненасилия, а, следовательно, и важным фактором, способствующим предотвращению религиозно-политического экстремизма.

Неустроенность миллионов людей, вынужденных отказываться от привычного образа жизни, массовая безработица, достигающая во многих регионах более половины трудоспособного населения, озлобленность, вызванная неудовлетворенностью базовых потребностей (безопасность, идентичность, признание и др.), являющиеся последствиями острейшего системного кризиса, переживаемого Россией и многими другими бывшими республиками СССР, судя по всему, еще долго будут источником религиозно-политического экстремизма. Поэтому нужно основательно заниматься изучением этого феномена, мониторингом его проявлений и разработкой эффективных методов борьбы с ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия. В 2 томах. – М., 1999. Т. 2.
2. Артамонов Н. Центральная Азия. Час испытаний // Век, 2002, № 31.
3. Бочарников И. Внутривнутриполитическая безопасность России и потенциальные причины конфликтов на ее территории // Вестник аналитики. 2002, № 3 (9).
4. Беррес Л. Имам напроповедовал на три года // Коммерсантъ, 20 сентября 2001 г.
5. Время новостей. 14 декабря, 2001 г.
6. Егоров Ю. Наемники под судом // Независимая газета, 12 мая 2001 г.
7. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001.
8. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Политические исследования, 2002, № 1.
9. Нуруллаев А.А. Ислам и национализм в современной России // Религия и национализм. – М., 2000.
10. Решетников М. Исламские истоки терроризма // Аргументы и факты, 2001, № 42.
11. Смирнов М. Американцы в исламе. Беседа руководителя исламских исследований в Вашингтонском университете профессора А. Ахмеда с ответственным редактором газеты "НГ – религии" М. Смирновым // НГ – религии, 15 января 2003 г.
12. Саватеев А. "Ваххабит" ваххабиту рознь // Азия и Африка сегодня. 2002, № 2
13. Фатуллаев М. Федеральный джихад // Независимая газета, 11 октября 2001 г.
14. Яндарбиев З. "Исламский фундаментализм не опасен". Беседа З. Яндарбиева с корреспондентом газеты "Время новостей" Е. Супониной // Время новостей, 17 декабря 2001 г.

THE POLITICAL AND RELIGIOUS EXTREMISM

A.A. Nurullaev, Alex A. Nurullaev

The Department of Political Science
Russian Peoples' Friendship University
6 Mikluho-Maklaya Str., Moscow 117198

The essay deals with the comprehension of the religious-political extremism concept and reveals their key features and distinctions from the religious and other extremism models. The authors of the paper present their study on the relations between religious-political extremism and ethnologic-national extremism and its link with terrorism. The paper covers subjects of the current extremism model and factors of its cause as well as ways and tools of the effective struggle with it. Special attention is paid to the role of the state, social societies and religious unions in their activity aimed at the prophylactics of religious-political extremism.